

Он просто рухнул на пол в переполненном зале суда. Он был одним из самых авторитетных адвокатов в стране. Он в равной степени прославился как своими итальянскими костюмами по три тысячи долларов каждый, облакающими его упитанное тело, так и чередой с блеском выигранных процессов. А я застыл на месте, оцепенев оттого, что происходило на моих глазах. Великий Джулиан Мэнтл был сейчас низведен до уровня жертвы и корчился по полу, как беспомощный младенец. Его покрытое потом тело вздрагивало, как у умалишенного.

Все происходящее потом виделось мне как в замедленной съемке. «О Боже, С Джулианом плохо!» — вскрикнула его помощница, указывая нам на ошеломляющую очевидность происходящего. Судья выглядела растерянной и что-то быстро говорила по телефону, специально установленному для нее на случай чрезвычайных обстоятельств. Я же просто застыл, потрясенный. Пожалуйста, не умирай, старый дуралей. Тебе еще рано выходить из игры. Ты не заслужил подобной смерти.

Судебный исполнитель, неподвижно сидевший до этого, как набальзамированный истукан, ринулся в бой и стал делать искусственное дыхание поверженной легенде правосудия. Рядом склонилась помощница, ее длинные светлые кудри свесились над багровым лицом Джулиана. Она нашептывала слова утешения, которые он, конечно же, слышать не мог.

Я знал Джулиана семнадцать лет. Когда мы познакомились, я был молодым студентом юрфака, и один из его партнеров нанял меня на летнюю практику. Джулиан к тому времени уже был блестящим адвокатом, человеком красивым и бесстрашным, грезившим о собственном величии. Он был восходящей звездой своей фирмы, ему прочили блестящую карьеру. Помню, как однажды я засиделся допоздна на работе и, украдкой заглянув в его роскошный угловой кабинет, обнаружил там на массивном дубовом столе рамку с высказыванием Уинстона Черчилля. Эта цитата многое говорила о том, что за человек был Джулиан.

Убежден, что сегодня мы — хозяева своей собственной судьбы, что нам по силам превозмочь испытания, которые выпали на нашу долю; что преодолеть бремя трудов и страданий мне по плечу. И пока мы свято верим в наше дело и наша воля к победе нестигаема, победу у нас не отнять.

И поступки Джулиана не расходились со словами. Выносливый, энергичный и напористый, он был готов работать по восемнадцать часов в сутки ради успеха, который, по его убеждению, и был его предназначением. До меня доходили слухи, что его дед был известным сенатором, а отец очень авторитетным федеральным судьей. Было видно, что Джулиан вырос в зажиточной семье и что на своих плечах, облаченных в пиджак от Армани, он нес надежды и ожидания своей семьи. Но должен признать: он сам выбирал свою дорогу. Он был настроен все делать по-своему — и любил устраивать представления.

Театральные выходки Джулиана в зале суда не сходили с первых страниц газет. Богатые и знаменитые стекались к нему толпами в поисках превосходного юриста, нахрапистого, блестящего тактика. Его поведение вне зала суда, безусловно, тоже было всеобщим достоянием. На нашей фирме ходили легенды о его ночных визитах в лучшие рестораны города с молодыми и сексапильными фотомоделями и о его бесшабашных пьяных оргиях с компанией любивших поскандальить брокеров, именуемой им «моей подрывной командой».

В то лето он выступал в качестве защитника в одном сенсационном деле об убийстве. Не могу толком понять, почему именно меня он выбрал своим помощником. Хотя я закончил юридический факультет Гарварда, alma mater Джулиана, я, безусловно, не был самым толковым практикантом на его фирме, а мое генеалогическое древо не содержало голубых кровей. Недолго прослужив в Военно-морском флоте, мой отец всю оставшуюся жизнь проработал охранником в местном банке. А моя мать выросла без особого шика в Бронксе.

И все же он выбрал именно меня из целой толпы соискателей, желающих получить место его помощника на процессе, впоследствии названном «процессом всех процессов об убийствах»: ему понравилась моя «голодная хватка». Мы, разумеется, выиграли, и управляющий фирмы, которому предъявлялось обвинение в зверском убийстве жены, стал свободным человеком — настолько свободным, насколько ему это позволяли остатки совести.

В то лето я много чему научился. Это был не просто урок того, как возбудить сомнение там, где его нет и в помине. Любой адвокат, который не зря ест свой хлеб, с этим бы справился. Это был урок в психологии победы — и редкая возможность наблюдать работу мастера. Я впитывал все, как губка.

По приглашению Джулиана я стал сотрудником его фирмы. Между нами быстро установились по-настоящему дружеские отношения. Признаюсь, работать с ним было нелегко. Обязанности его помощника предполагали нервотрепку, перераставшую порой в ночные крикливые споры. Это было его стилем. Этот человек не мог ошибаться. Однако за его жесткой внешностью скрывался некто, кому окружающие были явно небезразличны.

Как бы он ни был занят, он всегда спрашивал о Дженни, которую я все еще называю «своей невестой» — хотя мы с ней поженились еще до моего поступления на юрфак. Узнав от другого практиканта, что у меня проблемы с деньгами, Джулиан выбил мне приличную стипендию. Безусловно, он мог вести жесткую игру с самыми сильными соперниками и, безусловно, любил и покутить, но в то же время никогда не забывал о своих друзьях. Проблема заключалась в том, что Джулиан был одержим своей работой.

В первые годы он оправдывал свои долгие часы работы тем, что «делает это для блага фирмы» и что «следующей зимой уж точно» возьмет месяц отпуска и съездит на Каймановы острова. Однако время шло, о блестящих успехах Джулиана узнавали все больше, а работы все прибавлялось. Ему предлагали вести все более серьезные и интересные дела, и Джулиан, не привыкший отступать, выкладывался все больше и больше. В редкие спокойные минуты он признавался, что не может спать больше пары часов, не просыпаясь от чувства вины, что не работает над документами по делу. Скоро мне стало ясно, что он был поглощен жадой большего — еще большего престижа, славы и денег.

Как и ожидалось, все у него складывалось чрезвычайно удачно. Он достиг всего, о чем мечтает большинство: профессиональной репутации звезды с доходом, выражавшимся семизначной цифрой, с роскошным особняком в районе, где селились знаменитости, с личным самолетом, виллой на тропическом острове и с его гордостью — сверкающим красным «феррари», припаркованным прямо на дороге, ведущей к особняку.

И все же я знал, что все обстояло не так чудесно, как могло показаться. Я ощущал, что над ним нависла угроза, — не потому, что был проницательнее других на фирме, а просто потому, что проводил с ним больше времени. Мы всегда были вместе, потому что всегда работали. Спешка никогда не спадала. На подходе всегда было какое-то громкое дело, еще крупнее предыдущего. А при подготовке к процессу Джулиан не знал, что значит «достаточно». А что случится, если судья, не приведи господь, задаст этот вопрос или тот? Что будет, если мы недостаточно изучили обстоятельства дела? Что произойдет, если его застигнут врасплох в переполненном зале суда, как оленя, пойманного в лучи автомобильных фар? И мы выкладывались, и меня так же затягивало в его мирок, ограниченный пределами работы. Мы превратились в двух рабов, прикованных к часовой стрелке, окопавшихся на 64-м этаже монолитного здания из стекла и бетона. И в то время как большинство нормальных людей сидели дома в кругу семьи, мы, влекомые миражом успеха, думали, что ухватили бога за бороду.

Чем больше времени я проводил с Джулианом, тем лучше видел, что он закапывает себя все глубже. словно над ним довлела тяга к смерти. Он никогда ничем не был доволен. В конце концов, его брак распался, он перестал общаться со своим отцом и, хотя о его материальном благополучии мог мечтать любой, он так и не нашел того, что искал. Эмоциональное, физическое и, конечно же, духовное опустошение давало о себе знать.

В возрасте 53 лет Джулиан выглядел стариком, которому перевалило за семьдесят. В результате его бескомпромиссного подхода к жизни по принципу «пленных не брать» и чудовищного стресса, вызванного рваным ритмом бытия, его лицо избородили глубокие морщины. От полуночных обедов в дорогих французских ресторанах, толстых кубинских сигар и коньяка, который он пил рюмка за рюмкой, он до неприличия растолстел. Он все время плакался, что устал от своей усталости. Он утратил чувство юмора и, кажется, навсегда разучился смеяться. некогда энергичный характер Джулиана уступил место смертельной мрачности. Лично я думаю, что его жизнь утратила всякий смысл.

Увы, но, похоже, и острота реакции в зале суда стала его покидать. Если прежде он ошеломлял присутствующих своими красноречивыми и безупречными аргументами, то теперь он часами разводил философию по вопросам, которые имели отдаленное, если вообще имели, отношение к ходу судебного разбирательства. Там, где прежде он изящно парировал реплики противоположной стороны, теперь он прибегал к едкому сарказму, испытывая терпение судей, ранее считавших его гением юриспруденции. Словом, жизненный огонек Джулиана начал мерцать и подрагивать.

Это было не просто напряжение бешеного ритма жизни, превращавшего его в кандидата на раннюю кончину. Я чувствовал, что причина здесь глубже. Это было похоже на духовный кризис. Почти каждый день он говорил мне, что утратил вкус к работе, что вокруг пустота. Начиная юристом, говорил Джулиан, он действительно любил Закон, хотя и попал в юриспруденцию благодаря социальному положению родителей. Тонкости права и уровень предлагаемых проблем очаровывали его и наполняли энергией. Он был вдохновляем и движим уже самой способностью Закона влиять на социальные перемены. Тогда он был не просто отпрыском богатой семьи из Коннектикута. Он и вправду считал себя призванным использовать свой очевидный дар на благо другим. Это представление придавало смысл его жизни. Оно указывало ему цель и окрыляло душу.

Среди причин краха Джулиана, кроме пошатнувшегося интереса к своей профессиональной деятельности, было кое-что еще. Задолго до моего прихода на фирму он пережил большую трагедию. По словам одного старшего компаньона, с ним случилось нечто и вправду неопишное, но мне так и не удалось разговаривать кого-нибудь на этот счет. Даже известный своей болтливостью партнер Джулиана, старик Хардинг, проводивший больше времени в баре отеля Ритц-Карлтон, чем в своем пугающе огромном кабинете, сказал, что дал обет молчания. Я подозревал, что, какой бы ни была эта глубокая и темная тайна, именно она каким-то образом связана с его стремительным падением. Конечно, мне и просто было любопытно, но в первую очередь я хотел помочь ему. Он был не только моим наставником. Джулиан был моим лучшим другом.

Потом случилось это — тот обширный инфаркт, который низверг блестящего Джулиана Мэнтла на землю и напомнил ему о бренности его собственного существования. Это произошло в понедельник утром, в самой середине зала заседаний под номером 7, того самого, где мы выиграли «процесс процессов об убийстве».

<http://tl.rulate.ru/book/21787/453940>